

Жидков Андрей Александрович
Повелительница крыс

18+

Андрей Жидков

Повелительница крыс

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жидков А. А.

Повелительница крыс / А. А. Жидков — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Данное произведение под названием "Повелительница крыс" является фантазией на тему социального бунта вызванного социальным не равенством.

© Жидков А. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вводная глава или первое предисловие.	6
I	6
Второе предисловие.	7
I	7
Утро в крысином раю.	9
I	9
II	11
Почем нынче жизнь на эшафоте?	13
I	14
II	16
III	17
Кровь на руках святых и солнце над кладбищем.	20
Предисловие к главе.	20
I	21
II	22
III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гнет рождает возмущение, возмущение вызывает меры, последние, в свою очередь, увеличивают опасность восстания....

....Обычное русское лукавство; закон обнародован и ему повинуются... на бумаге. Этого правительству довольно.

Богатые здесь не сограждане бедных.

Маркиз де Кюстин «Россия 1839 года».

Вводная глава или первое предисловие.

I

Милостивый друг, прежде чем вы окунетесь в абсурдный мир данного произведения, хочу вас искренне предостеречь. Упредить, что оно представляет собой этакое философское размышление. Абстрактную аллегория, в которой я позволил себе представить то, на что бы походила действительность, если узаконить в ней алчные стремления предпринимателей, реализовать все их мечты, предав некоторым из них статус закона. Если дать силу всем несурезнейшим проектам законодателей. Если воплотить нелепые половые педофилистические фантазии социальных работников, доведя их до абсолютного абсурда лишённого всякого здравого смысла. Если исполнить чаянья церкви и повесить ценник на бога. А для пущего безумия приукрасить перечисленное приторно медовой гнилью; интернета, теле эфира, и теперешних кумиров. И разумеется облачить в моральное извращение моды... А после вывернуть наизнанку... Не любопытно ли во что после всего этого превратится наша с вами реальность?

Вот только при пристальном рассмотрении, вдруг с ужасом понимаю, что этот мой гипотетический бред не так уж далек от теперешней уже существующей действительности. Даже более того, в иной раз постыдно копируя, пародируя ее, сливается с ней на столько что не отличить.

Наверное, быть может, это от того что слишком многое позаимствовано из контекста моей собственной биографии, и жизни тех с кем меня сводила судьба. Я всего на всего лишь изменил имена, а описанные сцены и факты имеют место быть, и не коим образом не являются выдумкой. Как бы при этом дико, пугающе и отвратительно не выглядели...

Единственно еще страшит меня лишь то, что как бы не оказался мой гипотетический бред пророчеством...

А еще просил казак
Правды для народа.
Будет правда на земле -
Будет и свобода.

Казачья молитва.

Второе предисловие.

I

Окончив в две тысячи восьмом году педагогический университет, я покинул его кафедру с амбициозной решимостью пойти по учительской стезе. Мною владело неистовое воодушевление, жажда преподавательства, с единственной целью наполнить чистые непорочные детские души знанием родной истории. Обуреваемый сим порывом я для начала отправился в Районный Отдел Народного Образования (РОНО). Там мне дали примерный список нуждающихся в учителях школ и благословили на хорошее дело. Увы, более ничем помочь они не могли, так как волею гения нашего министерства образования набором педагогического состава школы ведал исключительно ее директор. Которому специалист со студенческой скамьи даром не нужен. Они, руководители учебных заведений, хотят видеть в своем штате человека со стажем, опытом, квалификацией.

Кстати это же касается и детей. К примеру, дочери моей знакомой предложили обратиться из школы «по-хорошему» сразу после восьмого или девятого класса. Поскольку ребенок не является круглой отличницей и существует риск не сдать экзамена ЕГЭ. Что может здорово подпортить показатели школы и премиальные ее начальства. Вот для красивой статистики они и избавляются от слабых учеников. Слава министерству образования! Министерству образования слава!

Тем не менее. После продолжительных мытарств я таки нашел школу готовую принять к себе педагога не обзаведшегося еще категорией и прочим. Правда, только путь от дому до места работы занимал два с лишним часа. Для жителей Петербурга наверняка знакомо на каком отдалении расположен от Колпино проспект Большевиков. С чем еще можно было смириться. В конце концов, к занятиям ведь возможно подготовиться и по дороге, на коленке в метро.

Однако белокурая, очаровательная милейшая женщина из бухгалтерии печально уведомила:

– Первый год, покуда не наработаете стаж ваша заработная плата, молодой человек, будет составлять восемь тысяч рублей. – Ее пальцы постучали по кнопкам калькулятора. – После же всех налоговых и прочих вычетов это будет семь тысяч восемь рублей. Без копеек. Безусловно, через год у вас будет прибавка, но она очень маленькая. Признаться именно по этой причине от нас уволился ваш предшественник. Так же, как и вы после института. Проработал у нас год, а потом нашел не связанную с учительской деятельностью приносящую достойный доход. Конечно сожалел очень. Говорил, что был бы рад иногда в свободное время преподавать, безвозмездно.

Выслушав откровение бухгалтерши, я должен сознаться, что вынужден был призадуматься. Ибо с одной стороны мне по-прежнему крайне хотелось преподавать, в то время как с другой, существовала жесткая материальная необходимость. В результате тягостных колебаний мною было все же принято решение обождав годик, попытать удачи в преддверии следующего учебного года. Вдруг появится вакансия по ближе к дому. А ежели повезет то и в моем районе.

Ну а дабы были покамест средства к существованию, я временно на период зимы устроился грузчиком на склад косметики.

Помню, как принес и положил на стол перед матерью первую свою зарплату в двадцать одну тысячу рублей. Что ровнялось трем учительским окладам.

Как же мне обидно стало от этого. Обидно до рвоты. До дрожи в скулах. До боли в кулак сжимающихся пальцев. До ненависти к тому членососу, что сидит в кресле министра обра-

зования. До желания разmozжить хлебало тупому, и глубоко до ануса любимому президенту коленной кочергой.... Настолько мне было нестерпимо обидно. Так как получалось, что все пять лет обучения зря и не нужен я вовсе как специалист своему государству.

Не буду говорить, что я так и не устроился по своей профессии. Поскольку прошествии года, точно так же как и в предыдущий раз, мои поиски оказались напрасны. Вновь впустую пробегал по кабинетам околачивая двери. И как следствие вынужден был вернуться обратно на склады. Однако таких как я, увы, не мало....

Я со многими такими же имел удовольствие познакомиться в процессе работы в одном строительном гипермаркете. Где был охранником историк, в отделе светильников продавцом социальный педагог, в отделе сыпучих материалов промоутером учитель биологии.....

Вероятно, по этому у нас в нынешнее время так туго с образованием, что люди коим в пору преподавать вкалывают невесть где. Что вместо того чтобы обогащать детские души знанием они таскают мешки, впаривают хлам, пугают мелких воришек, и глушат порой озлобленность водкой....

Но будьте покойны и верьте, что скоро подымет мохнатое знамя ее высочество повелительница крыс....

...И праведный гнев становится маршем
Голодных и злых.....
Группа «Loupa» Время X

Утро в крысином раю.

I

– Доброе утро всем кто нас смотрит! – Из динамиков загоревшегося синим светом встроенного в стену микроплазменного телеэкрана, раздался восторженный голос молодой женщины. – Сегодня пятнадцатое августа две тысячи семьдесят девятого года, шесть часов утра.

Алексей с трудом разлепил склеившиеся ото сна веки и тупо уставился глазами на проекцию экрана. На ней отображалась белокурая стройная ведущая в шелковом красном костюме в компании высокого широкоплечего мужчины в зеленом пиджаке и вельветовом в синюю крапинку галстуке. Радужно улыбаясь, они начали, чередуясь рассказывать о последних выявленных учеными тенденциях в тяжелой работе менеджеров. Оказывается как показали новейшие исследования они очень страдали от онемения ягодич. Болезнь назвали «sitting ass». Но Алексею отчего-то были глубоко безразличны факты этих удивительных открытий. Он просто ужасно устал, и ему безумно хотелось выспаться. Тем не менее, усилием воли мужчина заставил себя подняться.

Маленькая комната размером три на четыре метра, в которой помещались только двуспальная кровать, телевизор, компьютерный стол и комод, тонула в черном полумраке. Ибо плотно задернутые шторы на единственном окне не пропускали слабых утренних лучей восходящего солнца.

Широко зевнув, Алексей сунул ноги в старые тапки и, как был в одной майке и длинных семейных трусах вышел на кухню. Там уже вовсю кипел электрический чайник, а на индукционной плите жарилась яичница с луком и соевыми сосисками. Супруга в засаленном темном переднике поверх длинного пестрого цветастого халата, поддевая пластиковой лопаткой, раскладывала ее по белоснежным тарелкам.

– Ты как раз вовремя! – Беря в руки вилку и кусочек черного хлеба, произнес сидящий за столом отец.

Он был уже очень стар и разменял седьмой десяток, но был на удивление еще крепок и деятелен.

– Доброе утро пап. – Кивнул ему Алексей и скрылся в уборной.

Когда же справив нужду, он возвратился обратно на кухню, то на его тарелке уже дымилась горячая яичница. Пока он поглощал ее, нанизывая куски на вилку и подчищая тарелку кусочком хлеба, супружница Ольга налила ему кипяток в чашку с растворимым кофе.

– Давай может, завтра сходим в церковь. – Промолвила она, ставя перед ним кофе. – Я уже не помню, когда в последний раз в церкви была. Да и вообще мы и так редко куда с тобой ходим.

Не отрываясь от завтрака и продолжая жевать, мужчина согласно кивнул:

– Я как раз еще с аванса на прошлой неделе приберег семьсот пятьдесят рублей. Так что сможем взять с собой дочку.

– Ну не думаю, что Света будет особенно этому рада.

– Ей уже исполнилось четырнадцать. – Поддакнул пожилой седовласый глава семьи, неспешно помешивая ложечкой чай. – Небось, целыми днями только и грезит что о мальчиках.

– Об учебе пусть лучше грезит. – Недовольным голосом проговорил Алексей. – Ее классный руководитель говорит, что она очень способная. Может получиться выучить ее на менеджера или на секретаря. Тогда хотя бы она поживет по-человечески..... в достатке.....

– Кстати говоря, об учебе! – Внезапно вспомнив, воскликнула женщина. – Свете катастрофически необходим новый Лайфон .

– А со старым то, что не так? – Искренне удивился Алексей.

– На новом Lifeon ws 5 более совершенная камера для селфи. – Пояснила Ольга. – Ей это нужно для селфиведения.

Отец Алексея Николай Егорович расправил в руках вчерашний недочитанный номер газеты:

– Мой родитель мне рассказывал, что во времена его детства приходилось учиться значительно сложнее. – Как бы, между прочим, заметил пожилой мужчина. – Им приходилось изучать химию, физику, историю, географию, литературу и еще кучу всяких никчемных предметов.

– Да уж! – Покачала головой Ольга. – Хорошо, что хоть теперь наших детей этим не мучают. Ведь в самом деле какой прок может быть от предметов знания давно минувших событий. Куда гораздо важнее то, что действительно пригодиться им в жизни, что научит общению в социальных сетях, что расскажет о сексуальных взаимоотношениях, подготовит к тонкостям корпоративного этикета. Вот наш младший, умничка, обучился вычислению и печатанию, и устроился на конвейер....

В этот момент, лязгнув притвором замка, наружная дверь крохотной прихожей отвари-лась, и в нее грузно ввалился подросток тринадцати лет. Стащив с себя просаленную куртку и прочую изрядно испачканную одежду, мальчик свалил ее в угол под прибитой к стене вешалкой.

Выглянув из кухни, Ольга ему ласково улынулась:

– Доброе утро сынок.

Устало, с изнуренным видом повернув голову, Сергей, надевая домашние тренировочные штаны, ответил матери тем же приветствием.

– Как отработал смену сынок? – Уступая место за столом сыну, осведомился Алексей, когда тот вошел в предел кухни.

– Как всегда сломалась конвейерная лента, из-за чего наша бригада не выполнила норму на двести семьдесят единиц. – Отмахнулся Сергей.

Мальчик открыл холодильник и, достав из него початую запотевшую бутылку водки, налил себе грамм сто пятьдесят в отцовскую чашку из-под кофе. Выдохнув, он опрокинул содержимое внутрь себя. Противная, горькая, мерзко пахнувшая техническим спиртом жидкость, обожгла гортань подростка. Отчего тот скривился изрядно морщась. Но эту неприятную особенность дешевой бормотухи компенсировало сразу же воцарившаяся в голове легкость.

– Ну, разве так можно пить на пустой желудок! – Возмутилась мать, суетливо разжигая огонь под стоящей на газовой плите железной кастрюлей с почерневшими от нагара боками. – Подожди, я тебе супа немного подогрею!

Тем временем Сергей положил на край стола сверток из мятых денежных купюр:

– Здесь пять тысяч. Нам за июль выдали.

– Ты себе оставил?

– Да. – Кивнул подросток. – И на проезд и на погулять, кое что.

– Молодец! – Быстро прибрав деньги в карман халата, Ольга поцеловала сына в макушку, взъерошив русые сальные волосы.

II

Предприятие, на котором трудился Алексей, носило гордое название «ООО Интернационал Продакшин Корпорэйшн Энтерпрайзест» и располагалось в зоне промышленных складов по адресу Калинина тридцать девять. Хотя полуразрушенные обветшалые каменные сараи бывшего кирпичного завода трудно назвать складами. Слишком уж малопригодны были они для хранения чего либо, в силу вечно протекающей крыши и рушащихся стен.

Систему складов обносил местами перекосившийся и просевший кирпичный забор, норовящий со дня на день рухнуть. Сразу за его воротами раскинулась небольшая парковка, перед величественным двух этажным великолепно отремонтированным зданием офиса. Там сидели менеджеры. Так сказать элита, опора и основа фирмы. Те, кто в поте лица трудились перед компьютерными мониторами, под прохладным кондиционером рискуя заболеть страшным недугом «sitting ass».

Алексей же относился в компании к рангу неблагодарной челяди трудившейся на свежем воздухе под прямыми лучами палящего солнца, в пыли и грязи таская мешки со шпаклевкой, штукатуркой и цементом. Да и вообще прочий строительный материал.

Возле въездных ворот Алексея встретил худощавый осунувшийся молодой человек лет двадцати пяти. Как старший смены он всегда приходил всегда раньше других.

– Сегодня мы без водителя, поэтому на погрузчике будешь ты. – Сухо произнес он после обмена приветствиями.

– А с Димой то что? – Удивился Алексей.

– Его жена у себя на работе в гипермаркете из продуктов предназначенных к вывозу на свалку просроченный йогурт взяла для ребенка и попалась. – Прокашлявшись, старший смены сплюнул на асфальт кровавую мокроту. – Вчера он позвонил мне, поздно вечером сказал, что поедет на судебное слушанье.

– Уже так быстро? – Поразился Алексей.

– Да сейчас судебная система работает с невероятной скоростью. – Бесспорно, констатировал в ответ молодой мужчина.

– И сколько ей грозит Андрей Александрович?

– Дима говорит, что прокуратура требует шести лет заключения.

– Но у нее же грудной ребенок!

– Готово постановление об его отправке в сиротский приют.

– Но Дмитрий ведь вполне может позаботиться о ребенке!

Андрей Александрович криво усмехнулся:

– Всем наплевать и на Дмитрия и на его ребенка и на его жену. Все хотят красивых показателей и цифр. Полиция заодно с судом докажут что не напрасно едят свой хлеб упрятав понапрасну за решётку человека. А социальные службы поставят очередную галочку разлучив семью. И у всех будут показатели работы. А то, что от показателей не добром, а искалеченными судьбами смердит это уже другой вопрос.

– Как бы Дмитрий после такого не запил.

– А что ему еще остается ? – Старший смены снова закашлялся.

Алексей сочувственно посмотрел на него. Он давно уже замечал, как тот сильно похудел и осунулся за последние полгода. А тут еще прибавившаяся к его ужасному кашлю отхаркивающаяся кровь.

– Тебе бы показаться врачу Андрей Александрович. – Участливо промолвил Алексей.

– Я был уже у фтизиатра.

– И что он?

– Говорит что у меня туберкулез. – Криво усмехнулся с горечью мужчина.

– Ну, а лечение назначил?

– Выписал мне таблетки Рифомпицин и Этамбутол. – Андрей Александрович вынул из кармана потертой грязной спецовки две пластинки с красно-оранжевыми и белыми таблетками. – Предлагал еще и уколы Тубазида, но я отказался, поскольку медсестра берет за процедуру пятьсот рублей.

– Я слышал, что туберкулез лечат в специальных диспансерах.

– Это было раньше. – Убрал лекарства обратно в карман комбинезона, старший смены обреченно покачал головой. – Сейчас диспансеры закрыты в целях экономии государственных средств.

Почем нынче жизнь на эшафоте?

По червонцу за срубленную голову!

I

Предприниматель и генеральный директор «ООО Интернационал Продакшин Корпорэйшн Энтерпрайзест» Мирослав Максимович проснулся ближе к полудню, разбуженный теплым прикосновением прокравшегося сквозь щель меж плотно задернутых штор, ярким солнечным бликом. К неудовольствию Мирослава Максимовича он светил ему прямо в лицо, жутко тем раздражая.

Рядом с ним на широкой, устланной шелковыми, кремового цвета, простынями постели, посапывая прехорошенькими носиками, спали две девушки семнадцати и девятнадцати лет. Их юные изящные нагие тела нежно льнули друг к другу, сплетаясь длинными стройными ногами. И все тот же пресловутый солнечный блик, так бесцеремонно разбудивший мужчину, по касательной, бесстыдно поигрывал на их бледно-розовых сосочках венчающих овалы упругих великолепных грудок.

Лениво посмотрев на них с равнодушием пресытившегося кота Мирослав Максимович медленно поднялся с ложа. В голове сильно шумело, отдавая тупой болью в области затылка. Виной чему было страшное похмелье после вчерашнего продолжительного кутежа, когда он завалился в престижный ночной клуб, куда его затащили эти весьма милые девочки Аня и Наташа, которые сейчас так сладко спали в его постели.

Они обе сожительствовали с ним всего чуть более года, не взирая на существенную разницу в возрасте. Ибо Мирославу Максимовичу было уже как никак шестьдесят два года. Тем не менее девочки находились при нем на полном статусе содержанок. И обуславливалось это ни тем что девушек прельщала зрелость мужчины, его обрамленная седыми с висков седыми волосами проплешина, сексуальность его морщин, или нависающий над короткими ножками объемистый живот. А тем что их прельщала его платежеспособность. То что он их постоянно одаривал дорогими нарядами, украшениями, катал на красивых машинах роскошные рестораны и модные клубы, где поил импортным шампанским и почивал деликатесами. Однако это все до последней потраченной копейки девушки старательно и добросовестно отрабатывали своими юными телами, ротиками да промежностями. Конечно, проститутки, скорее всего, обходились бы делопроизводитель значительно дешевле, но в конечном итоге содержанка ведь тоже профессия.

Ступая по мягкому ворсистому ковру переваливающейся неуверенной поступью, Мирослав Максимович медленно пересек комнату подойдя к небольшому не большому стоящему у стены буфетному шкафчику. Отворив его стеклянные дверцы, он налил себе в стакан превосходного американского виски тридцатилетней выдержки по десять тысяч рублей за бутылку.

Затем пробормотав себе под нос:

– Господи прими за лекарство! – Единым махом проглотил поместившуюся в стакан красно-коричневую жидкость до капли, отправив ее себе в глотку.

Алкоголь приятно вязким теплом опалил нутро. В голове наступило желанное прояснение, хотя боль и осталась. А ощущение во рту, будто там нагадила свора кошек усилилось.

Посетовав в нецензурной форме на отсутствие закуски, Мирослав Максимович повернувшись к окну, распахнул плотные пологи штор. Впущенный им в альков спальни, дневной свет тут же разметав серость полумрака озарил всю вычурную помпезность убранства. Устилающие пол великолепные турецкие ковры, выстроившуюся вдоль стен превосходную мебельровку из исландского красного дерева, жидкоплазматический изогнутый экран с функцией 286zg4k, выложенный из итальянского мраморного кирпича камин, инкрустированный французским малахитом ...

Тем временем Мирослав Максимович накинув легкий бархатный халат цвета бычьей крови, вышел на просторный балкон. С его высоты третьего этажа открывался безупречный

вид на владения. Так перед домом раскидывалась громадная лужайка с цветочной аллеей, фонтаном и площадкой для вертобиля. Слева хозяйственные постройки. Справа озеро с пришвартованным у причала Proto-катером. На его дальнем берегу виднелись руины покинутого поселка. Люди ушли из него после того как предприниматель приобрел в собственность озеро и часть дороги соединяющей поселок с городом. Естественно запретив жителям пользоваться ими. Ибо владельцу неприятно видеть еще кого-то на своей собственности....

Как забавно они митинговали, взывали, требовали, просили.... Но что они могли в сущности сделать когда представители власти куплены, проданы и затем снова куплены. А полиция, блюдя закон тех, кто платит лишь и годна за тем, чтоб усмирять босоту.

Подле одной из клумб упомянутой аллеи, усердно копошился сгорбившийся человек в застиранной синей спецовке.

– Хорошо работаешь Василий! – Крикнул ему с балкона предприниматель.

Отложив в сторону садовый инструмент, трудившийся в клумбе мужчина, поднялся с колен и, отряхнувшись приветственно поклонился:

– Добрый день Мирослав Максимович. – На круглом щуплом лице работника отобразилась благоговейная улыбка. – Стараюсь.

– Может тогда уж за старания тебе заработную плату повесить?

– Спасибо за доброту вашу, но помилуйте Мирослав Максимович. Ну, куда мне убогому такие деньжищи. Что делать я с ними стану? Вам они для дела нужнее.

Рискнул бы он ответить по-другому? Вряд ли. Да его бы в момент уволили. А так пусть скупой оклад в пятнадцать тысяч, за то от хозяйской кухни перепадает. А стало быть, и не голодно! А то, что периодически с собачьим дерьмом смешивают, так видимо так должно быть. Главное что в сытости.

Умасленный же правильным ответом холопа предприниматель возвратился в опочивальню. Старшая из девушек, белокурая Наташа, к тому моменту уже проснулась и стояла обнаженная посреди комнаты разглядывая бутылку с виски. Ту самую, из которой наливал себе мужчина.

– Настоящий американский виски. Изготовлено на Украине. – Прочла она этикетку и, посмотрев на возвратившегося с балкона мужчину спросила. – А где эта Украина?

– Глупенькая. – Улыбнулся тот приобнимая ее за тонкую гибкую талию. – Ну если написано, что напиток американский значит это где-то в Америке. Скорее всего какой ни будь город.

II

Лежа на полу под ста шестидесяти килограммовой тушей хозяина, Наташа буквально задыхалась, будучи фактически вдавленной в ковер всей навалившейся массой. Вдобавок ее изрядно мутило. Однако ей ничего ни оставалось кроме как терпеливо ждать, когда он, наконец, кончит, сдавленно попискивая в такт его толчкам. Только проснувшись Анна безучастно наблюдала за происходящим с постели.

В этот момент дверь спальни бесшумно приотворилась и возникшая на пороге горничная, миловидная женщина лет тридцати, не обращая ни какого внимания на творимый половой акт, невольной свидетельницей которого стала, сообщила о визите начальника дорожной полиции. По ее словам, он привез сына хозяина Проксимилиана Мирославовича, что-то по обыкновению набедокурившему в городе.

– Пошла вон! – Сквозь зубы прорычал ей в ответ мужчина со все большим, возрастающим, остервенением вгоняя орган в юную податливую плоть, готовясь излиться в нее....

Служанка сею же секундно исчезла за дверью. Вот только извергнуться мужчине так и не удалось. Ибо сношаемая им девушка вдруг, с громким бульканьем, начала исторгать из себя рвотные выделения едва сама не захлебываясь в них. Это окончательно выбесило Мирослава Максимовича. И встав с девушки, с моментально опавшим достоинством, он в бешенстве раздосадовано со всей силы пнул Наташу ногою в живот.

Вскрикну та беспомощно сжалась в комок застив голову берестами рук. На ее счастье продолжения не последовало. И оставив ее нагое тело на полу, мужчина просто вышел прочь.....

III

Так уж повелось в нашем пластмассовом мире, что деньги даруют власть, пропорционально возрастающую относительно их количества. То есть чем больше денег, тем больше власти. Власти над людьми, а при достаточном количестве то и над всевышним, ибо церковь, какой бы она не была, всегда деньги любит превыше бога.....

Вот и у Мирослава Максимовича было немного такой власти. Правда, к сожалению, не столько, сколько хотелось и желалось бы, а значительно меньше. Поскольку на достойную жизнь и содержание двух малолетних потаскух с трудом хватало. Приходилось экономить. Сокращать руководимой фирме расходы по технике безопасности, траты на заработную плату персонала, налоги и прочее.....

Единственная неприятность, которая портила Мирославу Максимовичу всякий раз настроение, так это необходимость периодически подкармливать представителей иной, государственной власти.

Одним из таких прикормышей Мирослава Максимовича был начальник дорожной полиции округа Дмитрий Дмитриевич Хрящев. Он дожидался появления предпринимателя в его рабочем кабинете, будучи препровождённым туда прислугой. Там и застал его Мирослав Максимович, сидящим вальяжно развалившись в мягком кожаном кресле.

При появлении хозяина дома, он незамедлительно встал. После чего, тепло и дружески поприветствовав друг друга, мужчины заняли свои места. Мирослав Максимович уселся за свой массивный дубовый стол, а Дмитрий Дмитриевич плюхнулся обратно в мягкое гостевое кресло.

– Так что там отпрыск такого снова натворил? – Устраиваясь поудобнее, хозяин дома предпочел, сразу незамедлительно перейти к делу.

– Всего лишь ночью на машине, на скорости в двести восемьдесят километров в час сбил пешехода.

– Надеюсь насмерть? – Вынув из ящика стола пачку денег, положил ее напротив господина полицейского.

– Разумеется насмерть! Разве на такой скорости могло ли быть по-другому? – Однако убрав денежную пачку в боковой карман мундира, он, внезапно слегка помрачнев, коротко добавил. – Вот только этого мало.

Делопроизводитель изумлённо приподнял бровь.

– С пострадавшим там был еще один человек. Он попытался вызвать; скорую, наряд, и заснять вашего сына на телефон.

– И что же предпринял мой сорванец?

– Он попытался его расстрелять из травматического пистолета.

– Только не говори мне, что мой идиот, позволил ему остаться в живых! – В сердцах воскликнул гневаясь Мирослав Максимович.

В ответ на упитанном, округлом, мясистом лице полицейского засияла широкая издевательская улыбка. Она служила подтверждением его опасений. От чего Мирослав Максимович, не сдержавшись, разразился бурным матом, поминая все не пристойные места своей жены, родившей ему столь никчемного наследника, не способного как следует прибраться за собой. Но охаяв жену, предприниматель переключил гнев на представителя полиции, чья улыбка от бросаемых хозяином дома похабных эпитетов становилась заметно шире:

– А вы что же не оказали ему ни какого содействия? – Ударив кулаком по столешнице, заорал Мирослав Максимович, срывающимся голосом.

На что начальник полиции округа сокрушенно с насмешкой, совершенно спокойно, покачал головой:

– Мои люди уборщики и смирители, но не палачи.

– Ну, это я слышал, что на улицах бывших урок кто-то вместо вас казнит.

– Мне это только на руку. – Полицейский хитро прищурился. – Эти пакостные твари, все равно работать не хотят, только и могут, что пальцы гнуть, по фене ботать, да статистику портить своими делишками. Так что пусть мразей режут. Мне даже безразлично кто это делает, для чего и чем руководствуется. Лучше я буду иметь в отчете пару не раскрытых убийств, чем расхлебывать целый ворох краж и разбоя.

– Ладно. – Досадливо махнув рукой предприниматель и извлек из того же ящика вторую пачку денежных ассигнаций. – Этого надеюсь достаточно, для решения возникшей проблемы?

– Вполне! – Заполучив вторую пачку, довольный собой полицейский спрятал ее в противоположный карман.

– Хорошо бы еще информация о шалостях моего отпрыска не попала к журналистам. – Посетовал тем временем, несколько успокоившийся Мирослав Максимович. – Не хотелось бы скандала на кануне выборов в федеральную думу.

– Будто огласка способна повлиять на результат, который давным-давно уже подготовлен, подтасован и будет оглашен неважно при какой явке.

– Народу крайне необходима иллюзия того что им дано право что либо решать и что от сделанного решения что либо зависит. В целом же этот бред зовется демократией. То бишь величайшей глупостью и заблуждением человечества. В самом деле, давно пора уже прекратить заниматься ерундой и узаконить владение людьми на правах собственности. Что и так по сути уже существует, остается всего на всего придать этому законную силу.

– Я читал где-то, что есть такое государство толи Древняя Греция, толи Спарта и там такой ход вещей издревле практикуют и называют «Рабство».

– Я тоже слышал о таком. – С видом авторитетного знатока согласился предприниматель. – Если не ошибаюсь, эта страна как вы и сказали, зовется Спарта. Находится она где-то на юге и принадлежит к числу стран третьего мира....

– Не думал, что эти страны опережают нас в своем развитии.

– Они в последнее время прогрессируют довольно высокими темпами.

– Я так понимаю, став депутатом вы будите стараться направить страну по пути этого прогрессирования?

– Естественно я приложу для этого все свои усилия и влияние, но первоочередной задачей я все же считаю снижение налогов для юридических лиц.

– Но государство вроде бы и так намеревается понизить в следующем году налог на один процент.....

– Дорогой Дмитрий Дмитриевич. – Перебил его будущий депутат. – Взымаемые сейчас государством семь процентов слишком огромная для дела сумма. Я предлагаю снизить ее как минимум до пяти, а то и до четырех процентов..... – Мирослав Максимович откупорил початую бутылку превосходного французского коньяка и знаком предложил Дмитрию Дмитриевичу.

– От хорошего коньяка никогда не откажусь. – Жадно причмокнув толстыми губами, ответил тот.

Одобрительно улыбнувшись начальнику полиции, Мирослав Максимович быстро наполнил два стакана коричневым экстрактом. Но затем вспомнил о том, как отвратительно пошло виски сегодня еще раньше и, решив не пить без закуски, нажал расположенную на столе рядом с пепельницей и пресс-папье красную кнопку вызова. И в следующее мгновение дверь кабинета распахнулась и в нее вбежала та миловидная горничная, что извещала о приходе полицейского.

– Чего вам Мирослав Максимович будет угодно? – Почтительно спросила она полным кротости голосом.

– Мариночка, принеси ка нам с Дмитрием Дмитриевичем закусить, чего ни будь по-скоренькому.

– Слушаюсь Мирослав Максимович. – Сделав пружинистый реверанс молодая женщина исчезла, возвратившись спустя несколько минут с большим овальной формы металлическим подносом.

Грациозно продефилировав с ним по кабинету плавно покачивая широкими изящными бедрами, она, остановившись подле стола начала составлять на его поверхность маленькие фарфоровые пиалы, в которых помещалась скромная не претенциозная закуска. А именно; фаршированные грибами раковые шейки под сливочно-чесночным соусом на черепаших яйцах, маринованные мидии, тонко нарезанные ломтики белого хлеба, и обжаренная на оливковом масле порубленная маленькими кусочками ветчина.

Пока горничная суетливо освобождала поднос, начальник полиции округа, запустив руки ей под юбку, деловито ощупывал ее ягодицы. Упругие и крепкие они явно его восхищали. Женщина в свою очередь, не отвлекаясь, не обращала внимания на творимое у нее под подолом юбки. Да и к чему ей было противиться. Ведь, по сути, со стороны полицейского это было не домогательство, а оказанная высокая честь.....

– Кстати, а как там мое непутевое чадо? – Подцепив двумя пальцами маринованную мидию, поинтересовался предприниматель.

– Проксимилиан Мирославович сейчас отдыхает в своей комнате. – В ответ сразу же доложила молодая женщина. – Мальчик сильно устал. Не стал даже завтракать. Я вызвала ему доктора Вяземского Евгения Валентиновича, экстрасенса и попросила кухарку Анну Сергеевну дать ему немного своего грудного молока. Женское молоко очень хорошо тонизирует, снимая токсическое, а так же наркотическое отравление, как рассказывали в программе «Здоровье».

– Что ж, замечательно! – Одобрительно хмыкнул Мирослав Максимович и, подумав, добавил. – В таком случае поднимись сейчас вверх, уберись в спальне и покорми там этих, чем ни будь.

Он не сказал кого, но Марина превосходно поняла, что речь о девушках содержанках:

– Слушаюсь Мирослав Максимович. – Произнесла она скороговоркой заученную фразу и, одернув задранную полицейским юбку, покинула кабинет, торопясь выполнить данное поручение.

Наполненные же спиртным стаканы звонко стукнулись.....

Кровь на руках святых и солнце над кладбищем.

Предисловие к главе.

Все описанное далее никоим образом не является выдумкой или фантазией, а представляет собой уродливую реалию действительности. Такую как есть, без прикрас. Единственно следует оговориться, что изложенное не присуще какому либо отдельному определенному предприятию, фирме или компании. По причине того что является собирательной составляющей. И было почерпнуто у различных работодателей путем либо личного опыта, либо же со свидетельств друзей и близких в искренности коих я не сомневаюсь. Из этих разрозненных фактов и соткано изложенное ниже. Печально вот только лишь то, что благодаря процветанию детищ доморощенных, с интеллектом имбецилов, предпринимателей эти разрозненные факты превращаются в вездесущие закономерности....

I

Люди, трудящиеся на фирмах и предприятиях зачастую с легкой подачи их руководителей делаются на две касты. То бишь на сотрудников фирмы и на остальной персонал. К сотрудникам относятся те единственные, кто по настоящему работают, своим самозабвенным трудом увеличивая доход и прибыльность предприятия. Они элита, костяк, основа и светоч любой фирмы. Они это – менеджеры высшего и среднего звена, логисты, супервайзеры, меговайзеры, айтишники, заместители и руководители отделов. Остальной же персонал представляет собой ленивых тупоголовых бездарей. Всяких там грузчиков, кладовщиков, продавцов, кассиров, фасовщиков, упаковщиков, уборщиков и прочих безграмотных никчемных представителей низшего звена. Труд которых прост и несложен. Которых можно запросто оскорбить, обозвать, обругать ни за что, исходя из прихоти только потому, что любовница сутра не сделала минет..... И они не пререкаясь проглотят, ибо пойти пожаловаться им некуда. Поскольку у закона нет силы, у суда нет власти. А тех, кто рискнет разинуть рот, изживут, затравят и уволят. И то-то и оно, что уйти не куда. Ведь не факт что новый хозяин будет лучше или хотя бы совестливей прежнего. Вот и терпят потому, как работу терять не хочется. Разумеется, есть те, кто все ж уходит, но на их место с легкостью находят другие, пусть без опыта и выработанных навыков. Это не суть как важно, главное находят. А стало быть, сам бог велел относиться к сим отбросам подобно как к собачьим экскрементам на подошве руководства.....

Однако оставалась еще и средняя прослойка из тех, кто благодаря старанию родителей урвал некое подобие образования. И теперь прилежно прислуживается перед господами лелея мечту подняться до их уровня. Заработав в должности менеджера достаточную сумму средств, чтобы открыть свое дело. Очередную торговую лавку по продаже чего-нибудь.....

II

Уже вторую смену четыре фасовщицы-упаковщицы, вместе с молодым, черноволосым, бойким грузчиком, маялись от безделья. Вторую смену они сидели на самодельных, застланных кусками картона, стульях глядя в грязный пол упаковочного цеха кондитерских изделий. Причиной их такового простоя было элементарное перепроизводство. А именно то, что вопреки весьма точным, продуманным логистическим прогнозам, фасованный в дешёвую, невзрачную упаковку товар приобретать никто не хотел. И как результат переизбыток готовой продукции, начавшей изрядно портиться в связи с экономией на системе вентиляции и акклиматизации помещений.

Вот бригада теперь и сидела без дела. И самое поганое заключалось в том что оплата у них была сдельная, а это означало что прозябают они сейчас за свой счет. То есть они ничего не заработают.

Одной из этих четырех женщин фасовщиц была Ольга. Откинувшись назад и оперевшись спиной об металлический ригель стеллажа, она скучающе следила за порханием мух. Остальные же женщины, равно как и молодой грузчик, тоскливо ковырялись в своих лайфонах.

Вынырнув из-за дальнего, заставленного пачками гофры для будущих коробок, в цех вошла старшая смены. Низкорослая, смуглая, худощавая казашка с амбициями полкового командира и ощутимым за несколько метров амбре от запаха перегара. Завидев ее еще издали, избранная бригадиром, обворожительно красивая полненькая женщина с обольстительно округлыми формами объемной груди и пышных бедер, хитро прищурила свои немножечко лисьи изумительно красивые серо-голубые глаза:

– Какие новости Лиль? – Спросила она, когда старшая смены подошла достаточно близко.

– Того длинного с лошадиной физиономией, что терся тут со мной утром помните? – Как бы отвечая вопросом на вопрос, обратилась ко всем Лиля.

– Ну. – Воскликнули женщины хором.

Грузчик только захлопал глазками и кивнул.

– Это был заместитель генерального директора по производству. – С напускной антипатией, показного признания сообщила Лиля. – Ходил тут смотрел как вы. – Запнулась. – Мы работаем. После целый час распекал меня в кабинете. Ругался что на вас не те передники, какие положено, что вы не в бахилах.

– Так Лиличка. – Перебила старшую смены бригадир Елена. На ее прелестном, обрамленном рыжеватыми кудрями личике играла саркастическая улыбка. – Извини меня, но в этих полиэтиленовых фартуках мы преем. В них жарко. Что до бахил, то пусть сперва полы нормальные сделают. На этом линолеуме ноги в бахилах сами разъезжаются. А я не хочу на больничный, тем более что он тут не оплачивается.

Бригада тут же поддержала Елену общим гулом.

– Сам бы попробовал поработать в этих бахилах! – Воскликнула Ольга.

– Главное к нам не подошел, даже не поздоровался! – Перемежая речь, бульварной брашно отхожих мест, голосила громче всех высокая, полнотелая, грузная Наталья, с немного вытянутым чуть пропитым, лишенным некоторых зубов лицом. Однако ее гнев очень быстро перекинулся на Лилю. – А ты почему нас не отстаивала? Не защищала?

От нападков взбалмошной тетки и без того недовольно скривившуюся старшую смены передернуло. К счастью Елена как всегда жестко осадилась распоясавшуюся Наталью. От чего та моментально накуксилась, детским капризным голоском обращаясь к такой же белокурой женщине, но в отличие от нее миниатюрной, стройной и весьма ухоженной:

– Валя, чего она ругается?!

Однако едва брызнувший вслед за репликой хохот утих, старшая смены заговорила вновь:

– И еще девочки, руководством принято решение о новом очередном повышении нормы выработки до восьмисот тридцати килограмм в смену.

– Чего! – Всплеснула руками Ольга.

– Твою мать, мы больше шестисот сорока никогда ни делали! – Выпала Елен. – Лиля мы выше головы все равно не прыгнем! Куда еще повышать?

Лиля сокрушённо пожала плечами.

– А как быть с тем, что нам собственно нечего фасовать? – Контрастно тихим доброжелательным тоном заговорила Валентина. – Нам вторую смену ничего не завозят на фасовку по причине того что паллеты с готовой нафасованной продукцией некуда девать.

– И в чем тогда смысл поднимать нормы, если как говорит Валя, у них вон..... – Елена указала в сторону стеллажей слева от себя. – Фасованный товар тухнет. Ладу дать не могут, и куда деть не знают. Не удивлюсь, если его через месяц будем перефасовывать.....

Устремленный в казашку взгляд бригадирши был буравящим и крайне красноречивым, от чего даже пронимало насквозь. Под его тяжестью Лиля невольно скукожилась и как-то на миг потерялась, но быстро совладав с собой, сделала в очередной раз недовольную кислую мину на лице:

– Ну, я говорила по этому поводу с руководителем нашего склада Анатолием Витальевичем. И он говорит, что такие мелочи руководство не заботят..... – Фыркнула в ответ старшая смены и сразу же давая понять, что разговор окончен, демонстративно развернулась и направилась прочь.

– Звездит как дышит! – Провожая Лилу взглядом, ухмыльнулась Елена. – Не с кем она не говорила.

– Так может начальство просто не знает? – Наивно предположила Ольга.

– Начальство все знает. – Елена поднялась с насиженного табурета. – Ему попросту начхать.....

– Ну, может, тогда пообедаем? – Предложила Наталья, когда Лиля ушла, и воцарилось угрюмое молчание.

Все согласились. И вынув из сложенных в пропахшей потом и грязным бельем подсобке, приспособленной под раздевалку, сумок маленькие пластиковые контейнеры с едой принялись обедать. В принципе их пища была очень даже недурственной. Так Валентина ела салат из свёклы с отварным картофелем, луком и зеленым горошком, купленным здесь же по утилизации просрочки за девятнадцать рублей. Бригадир Елена потчивалась печёночным пирожком за двадцать пять рублей, запивая его сорокарублевым клубничным йогуртом. И на десерт у нее было еще одно яблоко. У Ольги оказалась тушеная капуста с рубленой соевой сосиской. Наталья обедала макаронами с тушенкой. Так же макаронами, но вместо тушенки сдобренными одним лишь майонезом, угощался, жадно поглощая их, молодой грузчик.

Ели они прямо на своих рабочих местах. Держа контейнеры с едой прямо на коленях. Микроволновка, что бы разогреть пищу, равно как холодильник и кулер, по неясным причинам не предусматривались руководством.

В разгар сей трапезы к ним подошла Екатерина. Девушка лет девятнадцати с темно-каштановыми перехваченными в хвост волосами, и смешливым веснушчатым лицом. Обедавшим женщинам сразу бросилась в глаза ее необыкновенная жуткая бледность. По обыкновению веселая, немножечко озорная, теперь она имела какой-то неестественно больной вид. Губы побелели, лицо приобрело сероватый оттенок, отчего ярче проступили звездочки веснушек, глаза ввалились, очертившись черными кругами.

– Девочки, у вас ни у кого не будет обезболивающего? – Обратилась она измученным, изнуренным голосом.

– Сейчас Катюш. – Без лишних вопросов спохватившись, Елена, отложив обед, метнулась в отгороженную куском фанеры подсобку.

– Что с тобой Катенька? – Пока Елена рылась в поисках лекарств начала расспрос не в меру любопытная Наталья.

Хотя будучи гораздо осведомление нее Ольга уже со страхом начала догадываться о причинах недуга молодой девушки. И побледнев едва ли не так же как она, женщина, опережая ответ Екатерины выпалила:

– Ты что вчера аборт сделала?!

Тут же подкативший к горлу ком спер девушке дыхание. И не в силах более проронил ни слова, она, молча облокотившись плечом об стойку стеллажа, застыв лицо ладонями, горестно заплакала. Накопившаяся, несдерживаемая более боль градом слез хлынула по бледным, словно мел щекам. И эти слезы были красноречивее всяких слов. Ибо от них леденящим души холодом пахнуло по сердцам присутствующих, невольно заставив сочувственно опустить глаза.

Лишь Ольга, вскочив с места, кинулась к девушке, участливо успокаивая, обхватив ее вздрагивающие плечи.

– Я бы вообще аборт запретил. – Пробубнил в нарушаемом плачем могильном молчании грузчик.

– Дима, окстись! – Возвратившись из раздевалки с лекарством, гневно разразилась бригадирша. Несколько неуместная реплика хорохорящегося повесы ей явно не понравилась. – Аборты и так запрещены стараниями митрополита. Конечно запретить то их запретили, но тогда хотя бы контрацептивы бесплатно раздавали. А то у таких как ты вот Димочка мошонка отросла, а денег на контрацепцию нет, и сноровки вовремя высунуть не достает.

Замечание Елены ввергло молодого грузчика в краску. Тем не менее, он попытался возразить:

– Но разве избавление от плода это не крайняя мера?

– Крайняя мера это плодить нищету только потому, что очередной разжиревший святоша настолько излишне чопорен, что боится видеть кровь! Ты сам представляешь, что значит поднять ребенка самой, без поддержки?

– Ну, я имел ввиду, обойтись как-то по-другому. К примеру, отдать ребенка в приют.....

Однако этот слабый довод сразу же разбился об холодный скептицизм женщины:

– А она сможет выносить дитя при такой работе? В декрете здесь ее никто держать не будет. Она, как и мы все по договору, где и так не предусмотрено ни больничных, ни отпусков..... Ее просто в миг уволят и все..... А за жилье платить как-то надо..... Да и пожрать тоже как бы хочется порой..... И что ей остается делать? Куда обратиться? Если она никому не нужна; ни государству, ни идиоту зачавшему ей ребенка. Вот если ты такой умный, так взял бы и позаботился о ней.....

Уступая правоте женщины, молодой человек предпочел ретироваться. Сославшись на острое желание покурить, он быстро покинул цех, не доев даже содержимого своего контейнера. Тем временем Катерина выпила данное ей Еленой обезболивающее лекарство и будучи усаженной на Ольгин стул, стала ждать пока препарат подействует. Она уже прекратила плакать, но слезы на ее личике еще не просохли.....

– Ты где делала аборт? – Вдруг осторожно, будто остерегаясь чего-то услышать в ответе, спросила Валентина.

– У частного практика на Лиговском проспекте. – Шморгнула носиком девушка. – Нашла его через интернет. Просил за операцию не дорого. Всего две с половиной тысячи рублей.

– У него там хотя бы оборудовано? – Валентина спрашивала уже тревожно затаив дыхание, едва ли не полупшепотом подрагивающего голоса.

– Нет. Ничего оборудовано не было. – Покачала головой Катерина. – Он оперировал меня в обычных домашних условиях на кухне.

– Он надеюсь, оперировал тебя с анестезией?

Екатерина покачала головой, сглатывая вновь заструившиеся по щекам слезы.

Обступившие же девушку четыре женщины, так же смотрели на нее влажными от слез, полными участливого сопереживания глазами. Понимая, что даже если у бедняжки не случится ни каких нежелательных осложнений, чреватых летальным исходом, детей она уже не сможет иметь ни когда. Спасибо митрополиту.

III

Солнце еще не отделилось от крыш по четной стороне улицы Калинина, и в маленьком гастербайтерском гетто, еще витал прилипший к сени гаражей и обшарпанных полуразрушенных с выбитыми окнами, домов, предутренний сумрак. Потряхивая отложившимся жирком товарищи-граждане-господа полицейские потянулись к магазинчику на Калинина двадцать два, дабы позавтракать сосиской в тесте и чашечкой кофе, взамен «крышуя» заведение и позволяя хозяину круглосуточно продавать из под полы контрафактную водку.

Ну а на погрузочно-разгрузочной площадке «ООО Интернационал Продакшин Корпорэйшн Энтерпрайзест» царил аврал и полный хаос.

Перемежая добротную матершину незатейливой ненормативной лексикой, для связки прилагательных оборотов, старший смены неустанно давал указания снующим по площадке грузчикам, кладовщикам и водителям. Сопровождая их импульсивным размахиванием рук и непосредственным личным участием в приемке, выгрузке и погрузке товара. Лишь изредка срываясь на удушливый кашель, он сплевывал на асфальт кровавую мокроту.....

Очередная фура закрыв борта медленно выползала с территории склада освобождая место для ждущей своей очереди. Пользуясь небольшой короткой заминкой между двумя этими фурами. Пока одна выезжала, покидая зону выгрузки, а следующая аккуратно становилась на ее место, Алексей, прыгнув с автопогрузчика, быстро забежал в раздевалку. Застигнутая им на столе громадная серая крыса, опрометью молниеносно слетела на пол и исчезла под некогда белым, замызганным, холодильником. Попривыкший уже изрядно к соседству хвостатой живности мужчина не обратил на нее никакого внимания. Не теряя понапрасну времени, он, быстро распахнув дверцу, едва не снесенного крысой вовремя бегства, холодильника и извлек из его морозного чрева полтора литровую бутылку пива, наполнил стоявшую на столе пустую кружку. Пиво блеснув, перелившись медовым янтарем, дало белоснежную пенку. Однако Алексею наслаждаться эстетикой момента было некогда. Судорожно сжав в руке кружку он залпом опрокинул в себя живительную, холодную субстанцию из хмеля и солода..... То что он испытал в следующий миг сравнимо разве что с оргазмом..... Когда одуревший, отупевший от зноя и дикой безумной суматохи мозг вдруг резко обретает катарсис, возвращаясь в сознание.

Осушив одну кружку, Алексей сразу же наполнил вторую. Намереваясь выпить ее не как предыдущую с неопикуемой жадностью, а предпочтя несколько расслабленно, спокойно, насладиться вкусом ячменного напитка. Правда, малость растянуть удовольствие от краткосрочной призрачной передышки и пива, ему не удалось. Ибо в этот момент, дверь раздевалки распахнулась, и на ее пороге появился взмыленный старший смены Андрей Александрович.

– Лёха (непечатное идиоматическое выражение) твою мать! – Воскликнул он чуть осипшим от постоянного крика голосом. – Тебе сейчас на переаттестацию идти.

Алексей удрученно отнял от губ кружку:

– Я и позабыл про нее вовсе.

– Вот одень. – Сняв с вбитого в стену гвоздика ярко-оранжевую дранную жилетку Андрей Александрович протянул ее приунывшему Алексею. – На переаттестацию Коровянский приехал, так что гляди, не спались со своим выхлопом.

– Не пидай в рюмку Андрей Саныч. – Наспех заглотив вторую кружку, которою хотел чуточку посмаковать, Алексей, прихватив с собой специально заведенную тетрадь, вышел следом за старшим смены обратно на улицу.

Получив от него уже снаружи последние наставления, мужчина сквозь зубы, в не печатной лексической форме выражая собственное мнение по поводу своей сильно опостылевшей в

сексуальном плане работы, зашагал вдоль здания к кабинету заведующего. По пути он натянул на себя дранный оранжевый жилет.

Он предал облику грузчика еще большую нелепость, делая его более убогим и жалким. Ибо он и без того выглядел далеко не лучшим образом. На нем была одета короткая синяя матерчатая куртка, с давно сорванной молнией без собачки, и потому имела, очевидно, кое-как самостоятельно пришитые поверх нее пуговицы, отличавшиеся друг от друга цветом, размером и формой. И так как воздух был еще недостаточно прогрет, а утренняя прохлада уже отступила, куртка была распахнута и из-под нее проглядывала почерневшая от грязи футболка, первоначальный цвет которой установить было уже весьма проблематично. На ногах же у мужчины были серые рабочие штаны, по типу комбинезона на лямках, с логотипом прежнего работодателя, очевидно не скупившегося на спецодежду. Но, несмотря на бросающуюся в глаза добротность ткани, сильно поистрепавшиеся. Обувью служили прохудившиеся еще весной расхлябанные вдрызг кроссовки. Голову защищала выгоревшая на солнце засаленная облезлая кепка. В целом внешний вид пусть и малость бомжеватый, но относительно приличный, для компании, которая по заверению ее руководства находилась на втором месте в Санкт-Петербурге по престижности. Конечно, фирма пыталась одеть сотрудников в свою форму, о чем свидетельствовала все та же синяя куртка с логотипами на ней, но заказываемая грошовая амуниция почему-то выдерживала всего два месяца из рассчитанных логистами шести.....

Между тем дойдя до кабинета начальника, Алексей с силой дернул круглую пластмассовую ручку металлической двери, и вошел во внутрь. За небольшим столом у огромного задернутого жалюзиами окна сидел коренастый мужчина пятидесяти пятилетнего возраста, с гладкой лысой головой. Его Алексей сразу же узнал, ибо то был начальник управления складами компании Виталий Владимирович Коровянский. Напротив него, за другим точно таким же столом сидела высокая длинноногая женщина, проверяя бланки ответов аттестуемых. В стороне, раболепно чуть прогнувшись, застыл заведующий складским терминалом Юрий Сергеевич, держа в руках подготовленную для Алексея распечатку полагающихся вопросов. Расположившийся за столом у дальней стены узбек Ренат как раз отвечал на них. Уже успевший ответить высокий кудрявый парень в заляпанной краской синей спецодежде, стоял подле Коровянского, выслушивая его разъяснения по поводу эталонов меры:

– Василий, берешь рулетку..... Прикладываешь к члену..... Двадцать три сантиметра..... – Громко вещал начальник, темпераментно размахивая руками. – Приходит клиент, а ты ему предъявляешь член..... Проверено двадцать три сантиметра.....

Немного опешивший кладовщик часто заморгал округлившимися глазами. Безмозглая тупость штабного солдафона явно было ему в новинку. К счастью тот не собирался при помощи нее доводить молодого человека до нервного шока.

– Ладно, иди, работай! – Махнул он рукой и Василий спешно удалился.

Коровянский же обратил свой взор на вошедшего грузчика.

– Доброе утро. – Памятуя, что за иное другое приветствие тут же вызовет у начальника приступ психоза и чревато увольнением, отчеканил Алексей. – Ключников Алексей на аттестацию явился.

– Здорова Леха! – Приветствовал в ответ Коровянский, в то время как Юрий Сергеевич быстро всучив новоприбывшему распечатку вопросов, усаживал его рядом с Ренатом.

В принципе аттестация, по сути, и сублимации своей являлась ничем иным как спектаклем и чистой воды цирком для одного зрителя. Вручаемый перечень вопросов имел построение в виде некой анкеты. То есть представлял из себя один вопрос и три варианта ответа к нему. Правильный из них помечался двоеточием на конце. Естественно об этом знал весь аттестуемый персонал складского терминала, включая проверявшую ответы женщину. Не знал лишь Виталий Владимирович Коровянский, поскольку на него и рассчитывался фарс подтасованного представления. Сами вопросы сутью своей сводились к знанию распорядка работы

склада, правил хранения товара и правильности общения с клиентом. Они часто дублировались и в общем количестве доходили до ста семидесяти.

Пока Алексей, усердно изображая сосредоточенную бурную умственную деятельность на лице, черкал на бумаге, Ренат отдал свои результаты на проверку. Пользуясь этим, Виталий Владимирович, питавший любовь унижать и смешивать людей с экскрементами спросил:

– Ренат, а ты знаешь, что такое барак?

– Ну, это такое строение..... – Попытался было сформулировать мужчина, однако Коровянский грубо оборвал его.

– Барак это в лесу для зеков! – Завил он кратко, опираясь на какую-то немыслимую логику, командным голосом, хлопнув ладонью по столу.

Мужчина не медля приготовился к выслушиванию солидной порции придинок, издевок и ругательств которыми так славился Коровянский. Ибо как было известно начальник управления складами очень сильно недолюбливал, даже ненавидел Рената, за то что тот по опрометчивости около года назад посмел сказать ему «Здрате». Взъерепенившийся тогда Виталий Владимирович вопил, что с ним поздоровались как с собакой и был готов уволить несчастного, посмевшего столь дерзнуть. Спасла мужчину тогда от неминуемого увольнения, его национальная принадлежность. Ввиду существующего негласного распоряжения со стороны высшего руководства, запрещающего трогать гастарбайтеров. Как дешевая рабочая сила они очень нравились Мирославу Максимовичу. Вследствие чего гастарбайтеров не увольняли за отлынивание от работы, не штрафовали за ошибки, не наказывали за проступки и вели себя с ними, по мере возможности обходительнее, чем с согражданами. Исключительно благодаря такой политике гастарбайтеры, имея большинство из общего числа низшего персонала на основном более крупном складе компании, держали предприимчивого предпринимателя холодной рукой за влажные яйца. Грозя тем, что в случае чего они могли запросто встать уйти в один день всем своим аулом, все сразу, все до единого, они понемногу все более нагло начинали диктовать и навязывать собственные условия труда. Как результат припертое ими руководство было вынужденно мириться с их некоторой недобросовестностью и периодически повышать им заработную плату..... Получалось что Мирослав Максимович сам загнал себя в угол, вот только ему как бывшему креативщику поднявшемуся из менеджеров-логистов не хватало мозгов для осознания этого.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.